

Если кто-то расценит эти заметки как попытку защитить Шолохова, это будет неверно. Он в защите не нуждается. Ни как человек — мертвым безразлична суeta живых, ни как мастер — нельзя же в конце концов серьезно полагать, будто бы вклад великого писателя в историю культуры, признанный всеми народами, могут поколебать ничем не подкрепленные подозрения и сплетни. Подобное уже случилось и задолго до нас. Но Шекспир по-прежнему велик, а кто помнит его ниспровергателей? Но нуждаются в защите те духовные ценности, выразителем которых был Михаил Александрович: правдивое, объективное отражение действительности, независимость от конъюнктуры, несмотря ни на что. Нуждаемся в защите, наконец, все мы. От лжи, попыток искажения нравственных ориентиров. Сегодня ведь так просто, используя естественное стремление людей знать правду до конца о нашей горькой истории, подсунуть им суррогат правды.

какого-нибудь дедка только за то, что он бородой походит на Николая-угодника. Такой комиссар существовал в действительности и даже квартировал у родителей жены Шолохова, Марии Петровны. Михаил Александрович знал, что после гражданской войны, несмотря на свою посредственность, Малкин пошел в гору и стал большим человеком в ОГПУ. Конечно же, Шолохов понимал, что трогать Малкина опасно. По крайней мере целую главу, посвященную комиссару, он уничтожил. Но эпизод с извозчиком оставил и фамилию комиссара не изменил. Спустя несколько лет они встретились на каком-то очень высоком собрании. Малкин подошел к писателю, снисходительно похлопал его по плечу: «Чего это ты там про меня наплел!» Шолохов глаза не отвел: «Жаль, что я главу про тебя уничтожил. Надо было всю правду рассказать».

Во что обошлась эта смелость писателю? По словам Бирюкова, появление наиболее разгромной рецензии в «Сибирских огнях» объясняется тем обстоятельством, что в ОГПУ Новосибирска в это время работал Малкин. Взаимоотношения писателя с ОГПУ—НКВД требуют отдельного разговора. Пока мы можем только гадать, когда именно он прочно попал в поле зрения этой организации. Возможно, в момент ареста Ермакова, возможно, после публикации романа. Нет пока конкретных данных, проливающих свет на истинную роль Малкина в преследовании Михаила Александровича.

По словам Марии Петровны, Ягода постоянно опекал Шолохова, набивался ему в друзья, а затем приставил к нему сыновья, своего помощника Павла Буланова. Мария Петровна рассказала мне о неудавшейся попытке отравить Михаила Александровича. Было это в Москве, правда, точную дату она запоминать не могла.

— Буланов позвонил мужу в гостиницу и сказал, что у него находятся люди, которые хотят с ним познакомиться. Было поздно. Шолохов стал отнекиваться, но Буланов настаивал. Пришлось ехать. Гостей никаких не оказалось, но стоял накрытый стол. Буланов налил рюмку водки, потом подсел к какой-то закуски. Когда муж вернулся в гостиницу, ему стало плохо. Он позвонил Буланову и сказал об этом. Тот сразу прислал машину «скорой помощи». Встретил его врач НКВД Левин и сразу же на операционный стол. Михаил Александрович рассказывал, что он вдруг обратил внимание на знаки, которые ему подавала старушка-медсестра, почувствовал недоброе и, превозмогая себя, встал и ушел. Так и спасся.

Рассказ этот живет в шолоховской семье как устное предание. А другой эпизод зафиксирован официально и со слов его участников описан Львом Колодным. Я имею в виду задание Ростовского НКВД бывшему чекисту Ивану Погорелову убить писателя, и последовавшее за этим обращение Шолохова, предупреждение Погореловым, к Сталину и знаменитое заседание Политбюро. Было это в 1938 году, заметим, уже после того, как Шолохов был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Навряд ли руководство Ростовского НКВД самолично принимало решение о физической расправе с депутатом и известным писателем. Для этого требовалось указание повыше. Не исключено, что здесь, как и в случае с Кировым, таким образом трансформировалось недовольство Сталина слишком независимым писателем. А возможно, решение созрело в ведомстве Ежова. Ответы на эти вопросы, я уверена, хранятся в центральном архиве КГБ, как и «Дело Шолохова», в наличии которого не сомневаюсь. Ростовские чекисты проявили добрую волю, дав возможность общественности ознакомиться с делом

ПУТЬ

Не надо обладать особой прозорливостью, чтобы предугадать: в ближайшее время будет предпринята новая попытка дискредитации писателя. Версия о плагиате ныне окончательно провалилась. Последние публикации Льва Колодного и представленные им черновики первых двух книг романа не оставляют ее защитникам никаких шансов. Возьмемся за другое. Будут доказывать либо, что «Тихий Дон» — посредственное произведение, либо, что Шолохов был просто удачливым баловнем судьбы, эдаким барином. Вероятно, будут цитировать его выступления на партийных съездах или, на худой конец, станут утверждать, что был у него некий таинственный соавтор. Возможно, это наступление приурочат к очередному юбилею, как было не раз...

Спорить с этим бесполезно. Так, кстати, полагал и сам Михаил Александрович. С этого начался наш разговор с его сыном, Михаилом Михайловичем.

— Неужели тебя все это не задает? — как-то поинтересовался я у отца.

— Поначалу задавало. Возил рукописи, доказывал, требовал создания комиссии. Потом понял, что спорить при помощи логики здесь бессмысленно и бесполезно. Опровергну одно, тут же придумают что-нибудь другое.

Но если не имеет смысла спорить, то, выстроив во времени все беды и наветы, сопроваждавшие писателя, можно попытаться выяснить, отчего они происходили. Где они возникали сами по себе, в результате трагических обстоятельств, а где направлялись умелой рукой. С помощью Шолохова-младшего, а также доктора филологических наук, профессора Федора Григорьевича Бирюкова из Москвы, ростовского критика Александра Обертинского я попытался это сделать.

Разрозненно эти факты так или иначе упоминались в биографиях шолоховедов и печати. Однако кто знает, к каким выводам можно прийти, сведя их воедино?

Июнь 1927 года. Готова первая книга «Тихого Дона». Шолохов везет ее в Москву. В эти же июньские дни по решению «тройки» в Миллерово расстрелян прототип Мелехова базковский казак Харлампий Ермаков, судьба которого почти повторена в судьбе Григория. Таким образом, Шолохов предлагает на суд читателей роман, прототип главного героя которого объявлен «врагом Советской власти». При аресте у Ермакова изымали письмо Шолохова, где он договаривается о встрече и просит уточнить некоторые эпизоды гражданской войны. Кроме этого письма, в деле Ермакова, каждый лист которого я внимательно рассмотрел, никаких упоминаний о Шолохове нет.

Первая книга опубликована. И сразу же возникает версия о плагиате. На основании чего? Журналист ростовской молодежной газеты Прокофьев, побывавший в командировке в Вешенской, столкнулся со станичными пересудами: вот этот Мишка, которого мы с таких лет знаем, — и автор такой книги! Быть не может! Не

К триумфу

смотря на сомнительность аргументации, версия неожиданного получила широкое хождение в столице. Началось следствие. Оно длилось почти три года. Тогда-то и пришлось Михаилу Александровичу собрать в чемодан все свои рукописи и отвезти на экспертизу в Москву. Наконец, рапповский суд не только подтвердил авторство молодого писателя, но и подчеркнул: характер рукописей позволяет сделать вывод о том, что текст не переписан с постороннего источника. За подписью Фадеева, Авербаха и Серафимовича в «Правде» публикуется письмо, опровергающее все подозрения.

Несмотря на всю возню вокруг имени Шолохова, популярность его романа необычайна. Опрос общественного мнения, проведенный в 1929 году издательством «Молодая гвардия», выдвигает его на первое место. Зато критика разносит «Тихий Дон» в пух и прах. На обсуждении романа, состоявшемся в Ростове, Шолохова прямо обвинили в симпатиях к белому движению. Рецензия в журнале «Сибирские огни» так и называлась: «Почему «Тихий Дон» понравился белым». «Шолохов холуйски почитательно описывает белых генералов... батраки и пролетарии у него нарисованы так с физической стороны, что внушают отвращение...»

Кстати, а почему бы не опубликовать сегодня эти документы? Во-первых, они наглядно демонстрируют литературные нравы того времени: в развешивании «защитника белых» участвовали не только критики, но и писатели. Во-вторых, они

показывают, в какой атмосфере приходилось жить будущему лауреату Нобелевской премии. Михаил Михайлович рассказывает:

— Как-то начинающий автор прислал отцу свою рукопись и слезное письмо, в котором жаловался, что не может прожить в Москве. Наконец, рапповский суд не только подтвердил авторство молодого писателя, но и подчеркнул: характер рукописей позволяет сделать вывод о том, что текст не переписан с постороннего источника. За подписью Фадеева, Авербаха и Серафимовича в «Правде» публикуется письмо, опровергающее все подозрения.

О «Тихом Доне» написано много, кажется, что тут добавишь. То понимание истории, к которому мы приходим только сегодня, Михаил Александрович высказывал в небезопасные 30-е годы. Он и впоследствии говорил: «Когда там у вас по учебникам гражданская война заканчивается? В 22-м? Дай Бог, чтобы она в 2022-м закончилась». Разве он не оказался прав?

Еще об одном нажитом враге стоит рассказать особо. В третьей книге «Тихого Дона» извозчик, везущий Штокмана, Кошевого и Ивана Алексеевича, рассказывает о зверствах комиссара Малкина в станице Букановской: комиссару ничего не стоит пустить в расход

Еще рассказывают, что был он баснословно богат.

— Да отродясь у него денег больших не было, разве что за исключением последних лет, — усмехается Михаил Михайлович. — Когда же появлялись, раздавал все направо и налево. Что же касается премий, то одну он отдал на строительство школы, а другую в фонд обороны. Со школой, например, такая история вышла. Отец настоял, чтобы в газете обязательно напечатали о том, что свою Ленинскую премию он передает на строительство новой школы. «Ну и хитер ты, — возмущался по этому поводу Косыгин. — Теперь най к твоей пугавке пальто пристегивать придется».

Парадные кадры кинохроники, гляцевые обложки подарочных изданий заслонили от нас реального человека с тяжелой трагической судьбой. Даже на старости лет, познав и славу, и народную любовь, звания, премии и награды, он не стал защищеннее от клеветы и наветов. И отдаленность от житейской суеты — всю жизнь он так и прожил в Вешенской — не принесла желанного покоя.

— Что это? — спросил его однажды в тяжелую минуту Константин Прийма. — Зависть?

— Может, и зависть, — ответил Шолохов. — Но организованная.

— Я присутствовал при этом разговоре, — рассказывает Михаил Михайлович, — и хорошо запомнил ответ отца.

Мне не хотелось беречь сыновью память. Понятно, насколько тяжело переживать незаслуженные обиды за отца. Но этот вопрос я не могла не задать. Почему Михаил Александрович перестал писать в последние годы?

— А о чем ему было писать? — вопросом на вопрос ответил Михаил Михайлович. — О победах развитого социализма? Он же прекрасно видел, что происходит. Да, он работал над романом «Они сражались за Родину...» Один из главных действующих лиц генерал Стрельцов был списан с репрессированного, а затем, по просьбе Тимошенко, освобожденного генерала Лукина. Отец хорошо понимал, что при Брежневце всю правду о репрессиях опубликовать не удастся.

Михаил Александрович Шолохов — первая величина в нашей послеоктябрьской литературе. Завидная судьба.

Ольга НИКИТИНА.